

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 51—64.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 51—64.

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1

DOI: 10.46726/И.2024.5.6

ПОЭТИКА БЕРДВОТЧИНГА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Олег Сергеевич Горелов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

og-rus@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается социокультурный феномен любительского наблюдения за птицами (бердвотчинг) в качестве поэтикопорождающей структуры нового типа художественного письма и практики чтения. Определение общих особенностей литературной (в первую очередь, поэтической) бердвотчинг-оптики строится на сопоставлении с прочими смежными оптиками и типами поэтов, по-разному учитывающими птиц в качестве значимого элемента. Это такие типы, как поэт-натурфилософ и поэт-натуралист (Лукреций, И. Гете, М.В. Ломоносов, Новалис, Ф. Шеллинг, Ф.И. Тютчев, Н. Заболоцкий), поэт-орнитолог (В. Хлебников, В. Павский), поэт-птицелов (Г.Р. Державин, А.А. Фет, Э. Багрицкий, Б. Агрис) и собственно поэт-бердвотчер/бердер (М. Файнерман, Д. Чернышев, Т. Скарынкина, К. Вяли и др.). Наблюдение птиц в естественной для них среде, на дистанции, отказ от метафоризации птицы, признание ее инаковости, ведение записей, фиксирующих длительный процесс наблюдения и частную рефлексию по горячим следам, — не только составляющие реальной практики бердвотчеров, но и потенциальные художественные жесты поэтов-бердвотчеров. Многосущностью и полифункциональностью наблюдения за птицами — это и субкультура, и спортивно-развлекательное соревнование, и хобби, и автотерапия, и медитация, и форма социализации, и способ исследования себя и мира — объясняется существенное разнообразие реализаций поэтики бердвотчинга.

Ключевые слова: новейшая современная поэзия, птицы, бердвотчинг, художественная оптика, поэтический субъект, деметафоризация

Для цитирования: Горелов О.С. Поэтика бердвотчинга (предварительные замечания) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 51—64.

В 2020 году американские и европейские орнитологические издания отмечали пик любительского увлечения птицами (бердвотчинг), все больше людей, иногда неожиданно для самих себя, становились наблюдателями за птицами (бердвотчерами), рекорды наблюдений фиксировались на специальной платформе eBird, где за один день было отмечено 6479 видов [Fortin]. Этот новейший виток интереса к птицам не только в США и Европе, но и России был связан с пандемией: наблюдение за птицами стало для многих оказавшихся в изоляции формой свободы, отдохновения, возможностью подняться над собой и посмотреть на свои и общественные проблемы с позиции более высокого, вечного ритма. Карантинные меры к тому же совпали тогда с весенней миграцией — идеальным временем для начинающих любителей птиц: видов много

© Горелов О.С., 2024

и их довольно легко можно обнаружить. В каком-то смысле в дальнейшем годы локдаунов, социального дистанцирования и военно-политических конфликтов стали годами чтения плохих новостей в попытке контролировать ситуацию (думскроллинг) и наблюдения за птицами в попытке создать ситуацию, в которой не нужно всё контролировать и отвечать за происходящее — думбердинг [McNeill]. На этом противоречивом сочетании эскапизма и перезагрузки, позволяющей острее воспринимать действительность, отвлечения от себя и автотерапии, постижения жизни птиц и остранения своей, поиска гармонии на классических и (пост)неклассических основаниях и на преодолении этих противоречий может быть выдержана целая художественная поэтика — поэтика бердвотчинга.

Отмеченную диалектику в феноменологии наблюдателя птиц, отраженную в художественном опыте, попробуем объяснить с помощью древнеримского концепта *otium*'а, обозначающего идею личного досуга, противоположного занятиям общественными делами (*negotium*). Бессмысленному, праздному отдыху (*otium otiosum*) Цицерон, Гораций, Овидий, Сенека противопоставляют отдых с достоинством (*otium cum dignitate*), напряженный, благородный досуг, который остается общественно если не полезным, то значимым (*otium negotiosum*), и таковой предполагает занятия, связанные с письмом и мыслью: медитация, научные изыскания, дружеская переписка, а также созерцание и исследование окружающей природы. Ф. Петрарка в книге «Об уединённой жизни» связывает отиум с христианским принципом медитации *vacate et videte* — *быть спокойным и видеть*¹, причем важна задача именно замедлить, успокоить, но не ослабить ум, не довести его до праздного состояния, от чего будет предостерегать уже М. Монтень в главе «О праздности» в своих «Опытах». По аналогии, и поэтический бердвотчинг видится увлечением, но не отвлечением. Показательно стихотворение Тани Скарынкиной «После новостей» (март 2022 года):

я пошла в магазин
долго стояла перед товаром
неизвестного природе назначения
то ли еда то ли посуда
чуть не уснула ничего не купила
я вернулась ни с чем домой
что-то включила отвлечённое посмотреть
то ли кино то ли спектакль
то ли документальный фильм
не поняла о чём они там
на каком языке
тогда я отправилась в лес
синее небо высокие сосны
дятел стучит по стволу туки-туки
я обошла вокруг дерева чтобы его разглядеть
из-за яркого солнца не получилось
но что-то внутри шевельнулось живое
завтра опять пойду [Скарынкина].

Наблюдение за птицей, которую даже рассмотреть не получилось, могло вывести лирическую героиню из оцепенения, в отличие от того «отвлеченного», которое можно просто «включить и посмотреть» по телевизору.

¹ В русском синодальном переводе «Остановитесь и познайте» (Псалом 45:11).

Такой досуг успокаивает, не отвлекая от мира, очищает от эгоцентризма, но не от «я», потому что цель (в этом случае произвольная) такого досуга — изначальная и объективная красота, жизнь, проявленная птицей², но и сама птица уже не как средство, но как цель (слово «досуг» первоначально значит ‘то, что достигнуто’, цель, а «досужий» — ‘успешный’, ‘проворный’, ‘заботливый’). Встреча птицы и интенсивный рецептивный контакт, меняющий состояние наблюдателя, — это и есть досужая поэтика бердвотчера.

Сам термин «бердвотчинг» появляется в XVIII веке, в период позднего Просвещения и раннего романтизма. Реагируя на первую волну индустриализации в Европе XVIII—XIX веков, ценность наблюдения за птицами родного края вместо орнитологического изучения посредством активного вмешательства в жизнь птиц и охоты за тушками, яйцами ради музейного коллекционирования и научной систематизации подчеркивают британские орнитологи — Г. Уайт, автор книги «Естественная история и древности Селборна», и Э. Селус, назвавший свою книгу 1901 года “Bird Watching”, тем самым вводя это сочетание как термин в научный оборот. В XX веке этот альтернативный вид контакта с птицами распространяется в США, где подлаживается под контекст уже массового общества. Именно здесь формируются первые сообщества любителей птиц, проводятся первые соревнования, а в 1934 году издается первый полевой определитель птиц Р.Т. Питерсона (вот они просвещенческие корни бердвотчинга, но действительно, определитель птиц — это настольная книга начинающего наблюдателя, и это знаково вроде бы не совпадает с поэтической точкой зрения, озвученной Олегом Юрьевым, по которой «любое стихотворение — неопределимая изнутри птица»³. Впрочем, об этом якобы несовпадении

² Уместно вспомнить здесь это размышление-наблюдение Айрис Мердок: «Красота — это удобное и традиционное название для того, что объединяет природу и искусство, что придает довольно ясный смысл идее качества опыта и изменения состояния сознания (change of consciousness). Я смотрю в окно, поглощенная тревогой и обидой, не обращая внимания на то, что меня окружает; допустим, я размышляю о пережитом унижении. И вдруг я замечаю парящую пустельгу. В один миг все меняется. Погруженное в раздумья “я” с его уязвленным самолюбием исчезает. Больше нет ничего, кроме пустельги. И когда я возвращаюсь к размышлениям о других вещах, они кажутся мне уже не столь важными. И, конечно, мы можем поступить таким же образом произвольно: сосредоточить внимание на природе, чтобы очистить свой ум от эгоистичной заботы <...> Более естественным, а также более правильным, мы считаем самозабвенное наслаждение абсолютно чуждым, бесцельным (pointless) и независимым существованием животных, птиц, камней и деревьев. <...> Это настолько очевидно хорошо — наслаждаться цветами и животными, что люди, которые приносят домой растения в горшках или любят пустельгу, могут быть даже удивлены, что это имеет какое-то отношение к добродетели. Причина удивления в том, что, как заметил Платон, красота — это единственная духовная вещь, которую мы любим инстинктивно» [Мердок: 122—123].

³ «Попробую воспользоваться образом из моей первой книги прозы, из “Прогулок при лунной луне”. Там в одном рассказе рассказчик “подумал-подумал, раскинул руками, оборотился в неопределимую изнутри птицу и, тяжело махая крыльями, перелетел через скрипуче охнувшую перед светофором желтобокую гармонику тридцатого автобуса”. Птица в том смысле “неопределима изнутри”, что тебе изнутри не видно, когда ты в неё превращаешься — галка ты, неясить или какой-нибудь ультрамариновый овсянковый кардинал. Просто летишь. Любое стихотворение — неопределимая изнутри птица. Для счастья достаточно того, что оно летающая птица, а не курица или “жирный пингвин”. Каждое стихотворение — неопределимая изнутри птица, а ты внутри. Таким образом, ты и сам — неопределимая изнутри птица» [Юрьев].

скажем ниже). Постепенно любительские наблюдения за птицами становятся культурным феноменом других стран, в том числе России. Социально-культурные новшества XX века оформляют бердвотчинг в его современном понимании: бердвотчинг как субкультура и спортивно-развлекательное соревнование невозможен без фактора массового общества; бердвотчинг как хобби, связанное с виртуальным коллекционированием видов, как тема рекламно-сувенирной продукции — без (пост)индустриального капитализма; бердвотчинг как самотерапия, как медитация, как форма социализации и исследования себя и мира — без влияния психоанализа и, возможно, постсекулярных концепций. Массовое распространение техники, появление специальных биноклей для бердвотчеров, доступных фотоаппаратов довершило процесс популяризации этой практики, а средства аудиозаписи подчеркнули значимость не только визуального наблюдения, но и слушания птиц (тем более что некоторые виды проще услышать, а не увидеть, и проще опознать их по голосу), поэтому более точным термином все чаще называется *бердинг* (птичничество), и даже сами наблюдатели распределяются на два подвида — бердвотчеров и бердеров (птичеров), впрочем, об этих нюансах в наших предварительных заметках умолчим.

Птицы, опосредованные техническими и медиа-протезами, увиденные через стекло, услышанные через аудиосредства, уже относительно давно в поэзии: «Я записывал птиц голоса / На карманный магнитофон. / В микрофон залетела оса, / Создавая ненужный фон» [Григорьев: 49]; «Петр! Беленок! — не слышит оклика / сам виден ястребом в бинокль — ныряющий и повторяющийся / страдающий и наслаждающийся / лучисто озаренный с краешка...» [Сапгир: 542]. Технопоэтическая оптика определяет феноменологию и онтологию поэта, как в программных произведениях Александра Еременко (знаменитый метаболический филин, в которого «вмонтирован бинокль полевой») или Иосифа Бродского (отстраненный несобственный взгляд в «Осеннем крике ястреба»: «И в кружеве этом, сродни звезде, / сверкая, скованная морозом, / инеем, в серебре, // опушившем перья, птица плывет в зенит, / в ультрамарин. Мы видим в бинокль отсюда / перл, сверкающую деталь» [Бродский: 105]). Однако в большинстве этих примеров используется скорее «бинокль поэтического обобщения» (Николай Глазков), а не «бинокль» орнитолога или хотя бы бердвотчера, это метафорическое острое зрение, превзошедшее птичье, но и зависящее от дополнительных механизмов, которые, в свою очередь, воплощают в реальности фантастическое зрение поэта. Именно так еще Эмануэле Тезауро в эпоху научных открытий XVII века определяет метафору, называя ее подзорной трубой Аристотеля, которого, к слову, можно считать одним из первых орнитологов в истории человечества: «Не знаю я, человеческим или сверхчеловеческим мышлением движим был тот Голландский мастер, который недавно двумя зеркальными стеклами, как двумя волшебными крылами, вознес человеческое зрение в пределы далей, коих не достигнет даже и птица в своем полете <...> все, что Господь почел от нас скрыть, открывается взору благодаря ничтожному стеклышку. Теперь можешь ты сам убедиться, что мир изрядно состарился, раз уж ему потребовались такие сильные очки. Теперь что под Луною может укрыться и спастись от беспощадного любопытства Человеческого?» [Тезауро: 72]. Это барочное переживание появления на свет просвещенческого всевидящего человека оказывается актуальным для поэта-бердвотчера, чья позиция привносит конфликт воли в отношения между птицей, техникой и человеком. Даже фиксация птицы на фотографии может трактоваться как насилие,

нарушение той досузей, платоновской красоты, наконец, как возмущение экосистемных связей, видимых чутким глазом поэта:

могу ли я вылечить лес, сожалея о нём?
или я принесу только окаменелость,
только птичий испуг, намёк на будущее уродство?
я просто смотрю — и этим насилую каждую птицу,
скрупулёзно разглядывая оперение и засветы на фото;
от этого хамства хвойная жизнь рассыпается,
птица, споткнувшись, слетает с картинки обнаруженным криком:
отныне замкнутый лес травмирован, — а затем обезличен [Дубровская].

Впрочем, обостренная экологическая тревожность проявляется лишь в региональных версиях поэтики бердвотчинга (например, английской) и в некоторых отражающих чужой свет, рефлексивных опытах русскоязычной поэзии. Генерализовать эту тональность на рассматриваемую поэтику в целом не получается, обычно искомое чувство экодуховного единства не рассыпается в практиках фото-, видео- или аудиофиксации, ставших неотъемлемой частью опыта птичеров. Однако справедливости ради скажем, что именно в экокритических исследованиях впервые появляется представление о *поэтике* бердвотчинга [Quine; Mason].

Определение общих особенностей бердвотчинг-оптики (в первую очередь в поэзии) построим на сопоставлении с прочими смежными оптиками, по-своему включающими птиц в качестве значимого элемента. Для этого выделим с известной долей условности такие типы — *поэт-натурфилософ*, *поэт-натуралист*, *поэт-орнитолог*, *поэт-птицелов* и собственно *поэт-бердвотчер/бердер*.

Первые два типа, представленные, в частности, Лукрецием, И. Гёте, М.В. Ломоносовым, Новалисом, Ф. Шеллингом, Ф.И. Тютчевым, Н. Заболоцким, очень близки и могут дополнять друг друга в рамках одного высказывания. Например, у Лукреция в поэме «О природе вещей» конкретное естественнонаучное наблюдение регулярно переходит в философское обобщение: «Так что и птицы всегда в своем оперении пестром / Пятна на теле хранят, присущие каждой породе, / То и материя вся должна пребывать неизменной / В теле отдельных пород. / Ведь, если б могли изменяться / Первоначала вещей, подчиняясь какому-то причинам, / Было б неясно для нас и то совершенно, что может / Происходить, что не может, какая конечная сила / Каждой вещи дана и какой ей предел установлен» [Лукреций: 42]. Отличают натуралиста/натурфилософа от бердвотчера осознанный исследовательский подход и интерес⁴, а также широта и системность взгляда. У бердвотчера птицы не просто часть общей картины, они получают особый статус, человек уже не может не обращать внимания на них, он видит их в словах и вещах (как герой романа «Пенсия» А. Ильянена,

⁴ Характерный пример натурфилософского, научного взгляда — размышление А. Битова в первой части романа «Оглашенные», озаглавленной «Птицы, или Новые сведения о человеке», о том, что птицы «живут на пределе (цена полета...). Их обмен протекает на пределе интенсивности, возможной для теплокровного. Они все в горячке и лихорадке. Наше легкое 37,5 это их 43, то есть смерть. Вот в каком смысле не болеют птицы» — и что так должен жить и человеческий мозг, постигая мир в постоянном усилии: «Мне представилась действительная теснота жизни, на которую каждый из нас жалуется с такой интенсивностью именно, чтобы не представлять себе полную меру (наши трудности все — временные, нам не хочется представлять себе, что они и есть норма, что бывает, например, война, когда люди не болеют, почти как птицы)» [Битов: 46]. Это, конечно, не бердвотчерский стиль мышления.

размышляющий о птичьих названиях российских поездов [Ильянен: 632]), наблюдение за птицами будто вменяется ему помимо воли: в одних случаях это партиципаторное фанатское влечение, в других — постгуманистический отказ от лидерства. Так или иначе, бердвотчинг признается всегда уместным (укажем и такой иронический пример: «Если тебя за окном будут бить и немало убьют, / посмотри на птиц, что летят на юг» [Сдобнов: 115])⁵.

Если же птицы все-таки становятся главным предметом интереса, но профессиональная, исследовательская интенция остается ведущей, можно говорить о типе поэта-орнитолога. Очевидный пример — Велимир Хлебников, сын орнитолога, сам еще до поэтических опытов принимающий участие в научных экспедициях, опубликовавший вместе с братом Александром отчет «Орнитологические наблюдения на Павдинском заводе» (1911). Исследования птиц, в частности попытки транскрибировать пение некоторых видов, могли повлиять на дальнейшие поэтические эксперименты Хлебникова [Велимир Хлебников...; Харджиев]. Обратный пример — профессионального ученого-орнитолога, обращающегося к поэзии, выпускающего свои книги стихов и литературоведческие статьи о птицах в творчестве других, — это В.А. Паевский.

Проблема соотношения науки и поэзии, позитивистского, аналитического и интуитивного, целостного понимания птицы обговаривается также и внутри орнитологического, бердвотчерского сообщества⁶. Идею объединения аналитического и холистического, орнитологического и бердвотчерского способов наблюдения передает концепция *jizz* орнитолога Т.А. Коварда, согласно которой птица (а на самом деле и человек, и другие животные тоже) зачастую опознается мгновенно — по общему облику, форме, характеру человек может уловить суть, очертания, гештальт (основные версии происхождения слова *jizz* или *giss* — это как раз искаженное *gestalt*, или *gist* (суть), или сокращенное *just is* (просто есть)). *Jizz* означает интуитивное (а в случае специалистов — опытное) понимание цельности живого существа и может заключать в скобки логический анализ, предполагающий медленное описание множества частных параметров оперения, окраса, формы, пропорций, полета и т. д. Ковард даже отмечает: «Возможно, натуралист, работающий на открытом воздухе, и в особенности полевой орнитолог лучше других понимают всю ценность *jizz*. На расстоянии слишком большом, чтобы разглядеть детали формы, цвета или оперения, столь ценные для ученого-классификатора, он просто видит птицу и узнает ее. Он говорит, что это зяблик, жаворонок или воробей, но откуда он знает это? Форма, размер, манера полета, а может быть, голос — таков ответ. Да, но есть нечто большее; нечто *определенное, но неопределимое*⁷, нечто, по чему мгновенно регистрируется идентичность в сознании, хотя как и что было увидено, остается неясным. Это ее *jizz*»⁸ [Coward: 141]. Порой такое озарение и симультанное определение птицы по уникальному интегративному качеству вернее систематического, а погружение в нюансы научного описания уводит

⁵ Поскольку Сергей Сдобнов продолжает, как и Александра Цибуля или Екатерина Соколова, линию Геннадия Айги и Леонида Шваба, то элементы поэтики бердвотчинга стоит искать в текстах и этих авторов тоже.

⁶ См. подробнее о борьбе «традиционной» орнитологии с эстетическим подходом, происходящей в межвоенные 1920—30-е годы: [Toogood; Wood: 10—11].

⁷ Так и «неопределимая изнутри птица» Юрьева определена, но неопределима, как джизз — общий характер конкретного живого существа.

⁸ Здесь и далее перевод мой. — О. Г.

в сторону и приводит к неверной идентификации. Новичка ориентация на конкретные сложные индикаторы и вовсе напрягает и тревожит, хотя он мог бы расслабиться и начать свободно воспринимать общие характеристики. Неслучайно, *jizz* как образное, поэтическое описание вида стали использовать даже авторы определителей птиц для начинающих: «Вспышка сапфира — это все, что нужно запомнить, чтобы опознать зимородка, когда он мчится вниз по течению» [Fitter: 178], к тому же в таких справочниках поэтические, «романтические» описания не просто дополняют, но уточняют научные: так, плосконосые плавунчики благодаря лопастным пальцам «уверенно держатся на воде», но на деле — используя *jizz* — плавают «так же легко, как сухой, смятый лист» [Massingham: 89], и художественное сравнение действительно помогает отличить манеру плосконосых плавунчиков от большинства водоплавающих, столь же «уверенно держащихся на воде».

От поэтической практики орнитологов следует отличать любительскую поэзию, написанную самими бердвотчерами и размещаемую на специализированных сайтах. Некоторые самостоятельные издания этого рода помимо самих поэтических текстов включают абзацы полезной информации о культурном значении, внешнем виде и среде обитания тех видов птиц, которые встречаются в стихотворениях [Wehri]. Это прямая ориентация на читателя-бердвотчера, который в потенции может предложить читательскую стратегию, альтернативную как филологическому профессиональному чтению, так и ассоциативному бартовскому текстовому анализу. Кстати, реальный полевой опыт (например, наблюдения за птицами на территории университетского кампуса) уже успешно встраивается в академическую систему семинарских занятий в рамках изучения литературы в высшей школе⁹.

Последний тип для сравнения — поэт-птицелов. Здесь предполагается непосредственный контакт с птицей (то, чего так боялся субъект Софьи Дубровской): он может содержать и разводить птиц дома (Богдан Агрис), в птичниках (Гавриил Державин, Афанасий Фет), может непосредственно ловить для продажи или иных целей (Эдуард Багрицкий, Максим Горький), что способствует уже не любительскому изучению птиц и несколько сближает птицелова с орнитологом: «Любовь к соловьям — специальность моя, / В различных коленах я толк понимаю» [Багрицкий: 92], — пишет Багрицкий в «Стихах о соловье и поэте», используя при этом традиционную метафору поэт-птица. И как раз *метафоризация птицы* является еще одним верным признаком поэта-птицелова, открывающего охоту не только на живых, конкретных, но и мифологических, символических (формула Владимира Высоцкого «Птицы вещи поют, да все из сказок»), текстовых, искусственных птиц: «Птицы, вылетевшей из ржи, / с вечером согласованье. / Добрый вечер, милая, свяжи / что с чем хочешь, // покажи / что не жалко: твоего названья / я не знаю. Пусть оно — “сиянье”, / пусть — “бинокли” или “витражи”. / Воздух, мелких стеклышек прибой. / В легоньких и юрких чечевицах / или на картинке световой, / где выходят помолиться / птица, роза и святой, / свет нам вырисовывает лица, как звукоснимающей иглой» [Седакова: 568]¹⁰.

⁹ Об одном таком опыте междисциплинарного курса под названием «Литературная орнитология» в Университете Маршалла (Западная Виргиния, США) см.: [Schray].

¹⁰ О работе метафоры птицы в этом стихотворении точно пишет А.В. Марков: «В этом стихотворении происходит утверждение собственной воли света, который и может нарисовать и начертить всё, что нужно. Взгляд птицы, которая выступает как

Иногда аллегоризм напрямую отражается в жанре, как в басне «Охотник до птиц» Павла Катенина, которую он тоже писал в изоляции, правда, литературной. Собственно охотник до птиц, оборудовавший зал для разных певчих видов, символизирует издателя литературного журнала, куратора, как бы мы сейчас сказали, поэтического процесса, определяющего достоинства отдельных «исполнителей» и формирующего ансамбль разных голосов. Сатиричность образа оценщика талантов, которому поэзия на самом деле «любезна, приятна, сладостна, полезна, как летом вкусный лимонад» (Державин), подчеркивается тем, что из всех птиц под его критерии прекрасного не попадает лишь соловей, поющий «нескладно, грубо, дико. / Всем голосом в лесу привык он петь, / И не умеет им владеть. / Вот, пеночка, другое дело: / В их песнях сходство есть; / Но надобно отдать малютке честь: / Все в горлышке у ней похорошело, / Все нежно, мило; нет растянутых колен, / Оглушной дроби, переходов / Скачками: ничего что тешит сумасбродов, / Которым труд священ. / Мне что легко, то и приятно; / Или такой я труд хвалю, / Где цель видна, намеренье понятно» [Катенин: 317—318]. Через образ птицелова может описываться и другое литературное амплуа — переводчик: «Будь жаворонок нив и пажитей — Вергилий, / Иль альбатрос Бодлер, иль соловей Верлен / Твоей ловитвою, — всё в чужеземный плен / Не заманить тебе птиц вольных без усилий, // Мой милый птицелов» [Иванов: 788].

Таким образом, птицелов — это про содержание, контроль, систематизацию, одомашнивание, метафоризацию, аллегоричность, в то время как бердвотчер — наблюдение птицы в естественной среде¹¹, на дистанции, отказ от метафоризации, подчеркивание ее инаковости. Именно дистанция и деме­тафоризация сохраняют дружость птицы, а значит, неизбежно возвращают поэта-бердвотчера к себе, вот только будет это постчеловек¹² или прежний человек, но лишенный избыточной озабоченности и тревоги о себе, зависит от конкретного авторского решения. Так или иначе, поэтику бердвотчинга можно опознать по обостренному поиску новой оптики, переживанию феноменологических переносов, связанных с реальным опытом длительного наблюдения за Другими. Этот сюжет находится в центре стихотворного цикла «С точки зрения птиц» эстонской поэтессы-бердвотчера Катрин Вяли: «рано утром иду по городу / совершенно пустой город / видно только птиц / ни кошки ни собаки ни человека / только птицы / и пара машин которые / почти те же люди / да и сама я / снаружи та же машина / пока в лесу / я не превращусь снова в человека / с точки зрения птиц видимо / более опасного чем машина» [Вяли: 290]. Несмотря на юность современного бердвотчинга сама тенденция деме­тафоризации

традиционная культурная метафора души, отождествляется с приобретением особой оптики, рассмотрения самого света, сияния, увеличения, как в бинокль, и схватывания цвета и объёма. Как и у петербургских поэтов, объём отождествляется с эффектом витража. Но дальше появляется взгляд как бы изнутри уже инобытия, отхода души от тела, когда воздух переживается как тот самый уже витраж нового типа, чистая улыбка света, световая картинка, вроде проекции» [Марков: 15—16].

¹¹ И это базовое требование появляется с самого начала существования термина «бердвотчинг» еще в ситуации синкретизма типов натуралиста, орнитолога и бердвотчера в XVIII веке. Так, поэт-натуралист Гете одним из первых отдал предпочтение наблюдению за птицами «в живом состоянии на воле», отказавшись в целом от собирания гербариев, коллекций насекомых и птиц [Вернадский: 19].

¹² Большинство философов-постгуманистов и темных онтологов редко пишет непосредственно о птицах, тем не менее о «деме­тафоризации животных» можно прочесть здесь: [Брайдотти: 134].

не нова, еще «древние поэты вводили птиц в свои стихи не только как символы человеческих чувств, но и как подлинные формы инаковости» [Nathan: 33], вот только поэт-бердвотчер, во-первых, может понимать «инаковость» секулярно, а во-вторых, не «вводит птиц в стихи», а делать заметки прямо в моменте явления птицы. Бердвотчерский текст органично вырастает из импрессионистического пленэра полевого дневника наблюдений, из списка встреченных птиц, пополняемого прямо в процессе, не являющихся изначально ни художественными, ни поэтическими текстами, или даже из процесса чтения специальной литературы, как в этом стихотворении Михаила Файнермана:

Как прилетят,
жаворонки держатся на проталинах.
А куда им деваться? — холодно,
на дерево жаворонок не садится,
да и что ему на дереве делать? —
еды там для него нет.
Бегает жаворонок по земле,
ищет семена прошлогодних трав.
Невелик он,
но и семян немного:
целый день пройдет в поисках еды...

(это пересказ отрывка из книги Николая Николаевича Плавильщикова «Юным любителям природы». 1955 год. Для семилетней и средней школы) [Файнерман: 7].

В некотором смысле поэт-птицелов выстраивает иконические отношения с птицами, а бердвотчер — индексальные, поэтому птица в бердерском тексте может появиться почти случайно, на мгновение, не становясь центральным образом текста, но означивая долгое ожидание и «вынужденное» наблюдение за окружающим пространством. Бердвотчер улавливает общий образ движущейся («всегда в лихорадке») птицы, лишь повторные сессии наблюдения (если птица дает такую возможность и долго держится на одном месте или возвращается на него) могут сократить дистанцию и привнести подробность описания.

Субъект в поэтике бердвотчинга — почти всегда частный, конкретный субъект в конкретный момент времени, для него важен сам процесс созерцания и рефлексия по горячим следам. Напрашивается сопоставление бердвотчинг-поэтики с эстетикой ситуационности, незавершенности, спонтанности, а потому бердерские черты стоит ожидать в миниатюрах, хайку: «Птицы / Хороший народ / Поют / На руке не читают линий» [Маркова: 91], «Полдень ветхого мира. / Птицы на проводах. / Медленная зарядка» [Александров: 214]. Этот тип субъекта отстраивается от прочих: он благодаря опыту наблюдения уже не отчужден от природы, в отличие от современного урбанизированного субъекта; он не выходит в природу, чтобы ее использовать (тип деятеля) или непременно позаботиться о ней (экоактивист)¹³; он не пишет текст в качестве субститута, когда не может выйти в природу, потому что вообще этот выход необязателен — бердвотчинг настолько современное и городское явление, что возможен его домашний, изоляционный вариант — наблюдение за птицами из собственного окна (не так ли на самом деле начинается экопоэтика — «эко» происходит от греческого *oikos*, 'дом'): «Высоко в небе летает стриж — / больше моего дома? / Меньше моего дома?» [Файнерман: 10].

¹³ Бердвотчер, как и субъект сентиментализма и романтизма, потому получает удовольствие от природы, что оказывается в среде, которая может функционировать и без него, она не требует постоянного контроля и заботы, лишь внимание и доверие.

Наконец, в текстах поэта-птицелова, как правило, большое разнообразие видов птиц, он их хорошо определяет, учитывает при построении образа видовые особенности, у него, говоря словами Пабло Неруды, «голова, полная птиц». Бердвотчера как любителя можно опознать по частотности родовых определений (просто птица, просто некая птичка)¹⁴ либо по стандартным, распространенным видовым. Неопределенность и деметафоризация позволяют поэтическому бердвотчингу занять пустующую нишу в истории русской поэзии XX века в контексте обновления традиционных смысловых связей, ведь одним из таких способов в постсимволистской еще поэзии, как пишет Н.А. Кожевникова, было, напротив, «обращение к нетрадиционным видовым обозначениям. В поэзии XIX в. круг видовых обозначений ограничен словами, на которых лежит печать традиционной символики. В тропах используется либо родовое обозначение, либо ограниченный круг видовых: *птица — ласточка, орел, коршун, голубь; цветок — роза, лилия, мак*. У символистов наряду с традиционными видовыми обозначениями появляются и новые. Поэзия более позднего времени опирается на гораздо более широкий круг видовых обозначений, в том числе и обозначений, свободных от символических смысловых напластований» [Кожевникова: 104]. Об этом будет писать и Варлам Шаламов в эссе «Пейзажная лирика»: «От грубого антропоморфизма поэты идут к точности, к подробности наблюдения. Дороги природы бесконечны. Точность наблюдения, точность называния, синхронность пейзажа и чувства — вот космос поэта. Сейчас мало писать о птице и дереве. Надо писать о ласточке и лиственнице, может быть, даурской. В поисках точности лирика ищет встречи с наукой» [Шаламов: 75]. Так вот бердвотчинг-оптика вроде бы выключает этот зум (пусть поэт-орнитолог, натуралист или птицелов уходят в детали, дают научную точность), опять позволяет сказать «маленькая серая птичка» или дятел, или соловей, вот только соловей этот тоже уже не связан с привычным символическим значением; нет научной точности наблюдения, но нет и традиционной метафоричности птицы. Характерные слова Виктора Сосноры — «метафоричность этих птиц смешна (белые чайки, черные вороны. Для контраста и красного словца)» — припомнит и персонаж А. Ильенена [Ильенен: 47], и петербургский поэт Дмитрий Чернышёв в «Сочинении на тему “Птицы в моей жизни”» [Чернышёв], кстати, это тоже бердвотчерский термин — *птицей жизни* (лайфером) называют ту птицу, тот вид птицы, который человек увидел вживую в первый раз; так же, «Птицы жизни», называется и недавний роман Александра Стесина, точно описывающий будни бердвотчера.

В одном стихотворении Жака Превера «Как нарисовать птицу» (“Pour faire le portrait d'un oiseau”) есть черты всех рассмотренных типов — широкая семиотическая проблематика от натурфилософа, попытка мыслить как птица от натуралиста, практический знаточеский и аллегорический взгляд птицелова и нежность, трепет, терпение и открытость внешнему миру бердвотчера (впрочем, в представленном ниже переводе М. Кудинова птица больше средство, чем цель — не так в оригинале). Этим текстом и завершим наши наблюдения и замечания:

Peindre d'abord une cage
avec une porte ouverte
peindre ensuite
quelque chose de joli

Сперва нарисуйте клетку
с настежь открытой дверцей,
затем нарисуйте что-нибудь
красивое и простое,

¹⁴ В среде русскоязычных бердвотчеров распространено ироничное обозначение МСП — «маленькая серая птичка», надо сказать, самый часто встречаемый вид.

quelque chose de simple
 quelque chose de beau
 quelque chose d'utile
 pour l'oiseau
 placer ensuite la toile contre un arbre
 dans un jardin
 dans un bois
 ou dans une forêt
 se cacher derrière l'arbre
 sans rien dire
 sans bouger...
 Parfois l'oiseau arrive vite
 mais il peut aussi mettre de longues années
 avant de se décider
 Ne pas se décourager
 attendre
 attendre s'il le faut pendant des années
 la vitesse ou la lenteur de l'arrivée de l'oiseau
 n'ayant aucun rapport
 avec la réussite du tableau
 Quand l'oiseau arrive
 s'il arrive
 observer le plus profond silence
 attendre que l'oiseau entre dans la cage
 et quand il est entré
 fermer doucement la porte avec le pinceau
 puis
 effacer un à un tous les barreaux
 en ayant soin de ne toucher aucune des plumes
 de l'oiseau
 Faire ensuite le portrait de l'arbre
 en choisissant la plus belle de ses branches
 pour l'oiseau
 peindre aussi le vert feuillage et la fraîcheur du vent
 la poussière du soleil
 et le bruit des bêtes de l'herbe dans la chaleur
 de l'été
 et puis attendre que l'oiseau se décide à chanter
 Si l'oiseau ne chante pas
 C'est mauvais signe
 signe que le tableau est mauvais
 mais s'il chante c'est bon signe
 signe que vous pouvez signer
 Alors vous arrachez tout doucement
 une des plumes de l'oiseau
 et vous écrivez votre nom dans un coin du tableau.
 [Prévert: 154]

что-нибудь очень приятное
 и нужное очень
 для птицы;
 затем в саду или в роще
 к дереву плотно прислоните,
 за деревом спрячьтесь,
 не двигайтесь
 и молчите.
 Иногда она прилетает быстро
 и на жердочку в клетке садится,
 иногда же проходят годы —
 и нет
 птицы.
 Не падайте духом,
 ждите,
 ждите, если надо, годы,
 потому что срок ожидания,
 короткий он или длинный,
 не имеет никакого значения
 для успеха вашей картины.
 Когда же прилетит к вам птица
 (если только она прилетит),
 храните молчание,
 ждите,
 чтобы птица в клетку влетела,
 и, когда она в клетку влетит,
 тихо кистью дверцу закройте
 и, не коснувшись ни перышка,
 осторожно клетку сотрите.
 Затем нарисуйте дерево,
 выбрав лучшую ветку для птицы,
 нарисуйте листву зеленую,
 свежесть ветра и ласку солнца,
 нарисуйте звон мошкары,
 что в горячих лучах резвится,
 и ждите,
 ждите затем,
 чтобы запела птица.
 Если она не поет —
 это плохая примета,
 это значит, что ваша картина
 совсем никуда не годится;
 но если птица поет —
 это хороший признак,
 признак, что вашей картиной
 можете вы гордиться
 и можете вашу подпись
 поставить в углу картины,
 вырвав для этой цели
 перо у поющей птицы.
 [Западноевропейская: 631—632]

Список источников

Александров А. Осень в книжном // Воздух. 2021. № 42. С. 214—215.
 Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1964. 571 с.

- Битов А.Г. Империя в четырех измерениях. IV. Оглашенные. Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. 319 с.
- Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 3. 312 с.
- Вяли К. С точки зрения птиц // Воздух. 2020. № 40. С. 288—291.
- Григорьев О.Е. Птица в клетке. Стихи и проза. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. 272 с.
- Дубровская С. Я не могу об этом говорить // Флаги. 2022. URL: <https://flagi.media/riese/408> (дата обращения: 06.08.2024).
- Западноевропейская поэзия XX века. М.: Художественная литература, 1977. 860 с.
- Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. 892 с.
- Ильянен А. Пенсия. Тверь: Kolonna Publications, 2015. 666 с.
- Катенин П. Охотник до птиц // Москвитянин. 1841. Ч. 2, № 4. С. 315—319.
- Лукреций. О природе вещей / пер. с лат. Ф.А. Петровского. М.: Издательство АН СССР, 1958. 260 с.
- Маркова В. Пока стоит земля: избранные стихотворения и переводы. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. 616 с.
- Сапгир Г. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Новое литературное обозрение, 2024. Т. 4: Проверка реальности. 1048 с.
- Сдобнов С. Сведения о себе // Воздух. 2019. № 38. С. 115—117.
- Седакова О. Стихи. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 573 с.
- Скарынкина Т. После новостей // Telegram-канал «Метажурнал». 2022. 8 марта. URL: <https://t.me/metajournal/2180> (дата обращения: 06.08.2024).
- Файнерман М. В два часа ночи в созвездии Андромеды. Стихи. М.: В. Прякин / ТЦ «СредА», 2023. 174 с.
- Чернышёв Д. Сочинение на тему «Птицы в моей жизни» (конспект эссе) // В моей жизни. 2005. 6 авг. URL: <https://www.vavilon.ru/inmylife/1chernyshev.html> (дата обращения: 06.08.2024).
- Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954—1979. 384 с.
- Prévert J. Paroles. Paris: Gallimard, 1972. 251 p.
- Wehri K. Swallow's Nest: Birdwatching Poems. Grand Forks, ND: Greenway Press, 2021. 42 p.

Список литературы / References

- Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
- (Braidotti R. The Posthuman, transl. D. Khamis, Moscow, 2021, 408 p. — In Russ.)
- Велимир Хлебников. Орнитологические наблюдения. Казань: Смена, 2020. 46 с.
- (Velimir Khlebnikov. Ornithological observations, Kazan, 2020. 46 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Гете как натуралист (Мысли и замечания) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. геол. 1946. Т. 21, № 1. С. 5—52.
- (Vernadskii V.I. Goethe as a Naturalist (Thoughts and Remarks), *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otd. Geol.*, 1946, vol. 21, no. 1, pp. 5—52. — In Russ.)
- Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 250 с.
- (Kozhevnikova N.A. Word usage in Russian poetry of the early 20th century, Moscow, 1986. 250 p. — In Russ.)
- Марков А.В. Витраж в новейшей русской поэзии: режимы ностальгии и памяти // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2021. № 3 (95). С. 12—16.
- (Markov A.V. Stained glass in the latest Russian poetry: modes of nostalgia and memory, *Vestnik Ul'ianovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2021, no. 3 (95), pp. 12—16. — In Russ.)
- Мердок А. Суверенность блага // Логос. 2008. № 1 (64). С. 117—137.
- (Murdoch I. The Sovereignty of Good, *Logos*, 2008, no. 1 (64), pp. 117—137. — In Russ.)

- Погарский М.В. Орнитолог и птицелов: к 130-летию со дня рождения Велимира Хлебникова и 120-летию со дня рождения Эдуарда Багрицкого. М.: Погарский М.В., сор., 2015. 199 с.
(Pogarskii M.V. Ornithologist and bird catcher: on the 130th anniversary of the birth of Velimir Khlebnikov and the 120th anniversary of the birth of Eduard Bagritsky, Moscow, 2015. 199 p. — In Russ.)
- Тезауро Э. Подзорная труба Аристотеля / пер. с итал. Е. Костюкович. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
(Tezauro E. The aristotelian telescope, transl. E. Kostiukovich, Saint Petersburg, 2002. 384 p.— In Russ.)
- Харджиев Н.И. Хлебников-орнитолог // Харджиев Н.И. От Маяковского до Кручёных: Избранные работы о русском футуризме. М.: Гилея, 2006. С. 306—310.
(Khardzhiev N.I. Khlebnikov the ornithologist, *Khardzhiev N.I. From Mayakovsky to Kruchenykh: Selected Works on Russian Futurism*, Moscow, 2006, pp. 306—310. — In Russ.)
- Юрьев О. Интервью // Воздух. 2010. № 1. URL: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-1/interview/view_print/ (дата обращения: 06.08.2024).
(Iur'ev O. Interview, *Air*, 2010, no. 1. — In Russ.)
- Coward T.A. Bird Haunts and Nature Memories, London: Warne, 1922. 276 p.
- Fitter R.S.R. Collins Pocket Guide to British Birds, London: Collins, 1966. 287 p.
- Fortin J. The Birds Are Not on Lockdown, and More People Are Watching Them, *The New York Times*, 2020, May 29. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/29/science/bird-watching-coronavirus.html> (дата обращения: 06.08.2024).
- Mason T.V. Ornithologies of Desire: Ecocritical Essays, Avian Poetics, and Don McKay, Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 2013, 306 p.
- Massingham H.J. Birds of the Sea Shore, London: Laurie, 1931, 338 p.
- McNeill E. The Avian Hourglass — Lindsey Drager [Review], *Full Stop*. 2024, July 19. URL: <https://www.full-stop.net/2024/07/19/reviews/elizabeth-mcneill/the-avian-hourglass-lindsey-drager/> (дата обращения: 06.08.2024).
- Nathan L. Paths of the Snow Bunting: Towards a Poetics of Bird-Watching, *Mānoa*, 1995, vol. 7, no. 2, pp. 33—45.
- Schray K. Literary Ornithology: Bird-watching across Academic Disciplines with Honors Students, *Honors in Practice*, 2008, vol. 4, pp. 61—78.
- Toogood M. Modern Observations: New Ornithology and the Science of Ourselves, 1920—1940, *Journal of Historical Geography*, 2011, vol. 37, no. 3, pp. 348—357.
- Quine J.A. Finding Where the Cuckoos Sing: R.S. Thomas and the Poiesis of Birdwatching, The School of Culture and Communication The University of Melbourne, 2019, 342 p.
- Wood S. Jizz: Science or Poetry?, *Environmental & Architectural Phenomenology*, 2023, vol. 34, no. 2, pp. 71—12.

THE POETICS OF BIRDWATCHING (PRELIMINARY REMARKS)

Oleg S. Gorelov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Abstract. The article examines the socio-cultural phenomenon of amateur birdwatching as a poetic-generating structure of a new type of artistic writing and reading practice. The definition of the general features of the literary (primarily poetic) birdwatching optics is based on a comparison with other related optics and types of poets, who take birds into

account as a significant element in different ways. These are such types as the poet-natural philosopher and the poet-naturalist (Lucretius, J. Goethe, M.V. Lomonosov, Novalis, F. Schelling, F.I. Tyutchev, N. Zabolotsky), the poet-ornithologist (V. Khlebnikov, V. Paevsky), the poet-bird catcher (G.R. Derzhavin, A.A. Fet, E. Bagritsky, B. Agris) and the poet-birdwatcher/birder (M. Fainerman, D. Chernyshev, T. Skarynkina, K. Väli, etc.). Observation of birds in their natural environment, at a distance, refusal to metaphorize the bird, recognition of its otherness, keeping records describing the long process of observation and private reflection, are not only components of the actual practice of birdwatchers, but also potential artistic gestures of birdwatching poets. The polysemantic nature and polyfunctionality of birdwatching — it is a subculture, a sport and entertainment competition, a hobby, autotherapy, meditation, a form of socialization, and a way of exploring oneself and the world — leads to quite diverse realizations of the poetics of birdwatching.

Keywords: the latest contemporary poetry, birds, birdwatching, artistic optics, poetic subject, demetaphorization

For citation: Gorelov O.S. The poetics of birdwatching (preliminary remarks), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 51—64.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 22.08.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Горелов Олег Сергеевич — доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox.ru

Gorelov Oleg Sergeevich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru